

УДК 327.8.510 (575.2) (04)

**КИТАЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
СУВЕРЕННОГО КЫРГЫЗСТАНА:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Н.М. Омаров – канд. полит. наук

The author analyzes interests and relationships between two countries, Kyrgyzstan and China. It is shown, that strengthening of cooperation is profitable for both countries.

Китайская Народная Республика является во многом уникальным и необычным внешнеполитическим партнером Кыргызской Республики. Это единственное государство дальнего зарубежья, с которым Кыргызстан имеет физическую границу. Одновременно – это страна, отношения с которой охватывают огромный по времени период исторического прошлого кыргызского народа.

Точкой их отсчета стал конец третьего столетия до н.э. Китайские исторические хроники повествуют, что государство кыргызов как самостоятельное этнотерриториальное образование возникло в конце I тыс. до н.э. Первое упоминание государственного образования "владение Гэгунь (кыргызы)" относится к 209–201 г. до н.э. Несмотря на полубогородный характер данных сведений, они позволяют судить о том, что истоки дипломатических отношений кыргызского народа с внешним окружением уходят корнями в седую древность.

Международные и межгосударственные связи, зародившиеся в этот период времени, послужили основой длительного исторического процесса формирования кыргызского народа и государства¹.

Древние кыргызы обитали на землях, расположенных к северу от восточного Тянь-Шаня, севернее хребта Боро-Хоро и западнее

пустыни Дзосотын-Элисун. На протяжении длительного периода времени они неоднократно становились объектом экспансии и попадали в зависимость от могущественных государств хунну, сяньбийцев, жужаней².

Около трех десятилетий с момента возникновения Первого Тюркского каганата в середине VI в. кыргызы находились в вассальной зависимости от его правителей. В 581 г. им удалось обрести независимость, после чего они сразу же стали проявлять внешнеполитическую активность. Уже в 583 г. древние кыргызы вынашивали планы активного вмешательства в события в Центральной Азии. Это вызывалось не экспансионистскими устремлениями, а естественным желанием обезопасить себя от великой кочевой империи, стремительно расширявшей свое господство в регионе³.

В качестве одного из факторов, призванного способствовать этому, рассматривалось установление прямых дипломатических отношений с китайской империей Тан.

В Тан Шу (История династии Тан) указано, что новый импульс дипломатические отношения между Кыргызстаном и Китаем по-

---

¹ *Акаев А.* Кыргызская государственность и эпос "Манас". – Бишкек: Учкун, 2003. – С. 12–37.

² *Худяков Ю.С.* История дипломатии кочевников Центральной Азии. – Бишкек: ИИМОП КНУ, 2003. – С. 133.

³ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М.: АСТ, 2003. – С. 29–46; *Худяков Ю.С.* Указ. соч. – С. 134–135.

лучили в эпоху раннего средневековья. Так, в 648 г. в Китай было направлено кыргызское посольство¹. Позднее, в 650–683 гг. было открыто два посольства².

В последующем, история взаимоотношений Кыргызстана с Китаем в эпоху нового и новейшего времени подразделяется на два крупных периода, на каждый из которых приходится в среднем около ста лет: это вторая половина XVIII – первая половина XIX вв. (первый период) и со второй половины XIX века до 1991 года (второй период).

Как отмечают исследователи, если первый период характеризуется относительно самостоятельной внешней политикой кыргызов по отношению к Китаю, то для второго этапа типично полное отсутствие самостоятельности во внутренней и внешней политике³. Взаимоотношения Кыргызстана и КНР во второй период развивались в русле приоритетов внешней политики Советского Союза с характерными для нее этапами союзничества и конфронтации.

Равноправное сотрудничество между Кыргызской Республикой и КНР на основе самостоятельно вырабатываемых внешнеполитических приоритетов началось в 1991 г. В настоящее время наши государства активно развивают двусторонние отношения в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной и иных сферах.

Правительство Китайской Народной Республики 27 декабря 1991 г. признало независимость Кыргызстана, а 5 января 1992 г. между двумя государствами были установлены дипломатические отношения⁴.

Китай одним из первых, в мае 1992 г., официально открыл свое посольство в Бишкеке. Во время визита министра иностранных дел Кыргызстана в Китай 31 августа 1993 г. в

Пекине состоялось открытие посольства Кыргызстана, приуроченное ко второй годовщине независимости нашего государства.

Оправданность взаимозаинтересованного развития дипломатических отношений между Кыргызстаном и Китаем обусловлена рядом факторов.

Как отмечено выше, Китайская Народная Республика и Кыргызстан являются государствами-соседями, имеющими протяженную совместную границу в 1071,8 км. Исторически и географически территория Кыргызстана и западной части КНР (СУАР) входят в единый политико-культурный регион, представленный родственными народами, имеющими сходную веру и родственные языки. Эта близость делает естественным развитие политических и торгово-экономических отношений. Еще более важным представляется то, что в изменившейся конфигурации мира и новых условиях сотрудничества государств этот регион остался не только местом пересечения границ исламской, христианской и конфуцианской религий, культурным, коммуникационным и транспортным мостом между Востоком и Западом. Он также является регионом, где усилились и активно проявляются новые вызовы современности, имеющие трансграничный характер: религиозный экстремизм, этнический сепаратизм и международный терроризм, организованная преступность и наркотрафик.

Необходимость взаимодействия Китая и Кыргызстана по целому ряду направлений, включая обеспечение региональной безопасности и стабильности, отвечает реалиям современного этапа международных отношений.

Подобный подход и особая роль в этом Китая как партнера Кыргызской Республики лежат в основе внешней политики нашего молодого суверенного государства. Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось главой Кыргызстана А. Акаевым в ходе его официальных выступлений⁵.

Оба государства, существенно различаясь по территории, численности населения, экономическому и военному потенциалам, настроены на создание взаимовыгодного форма-

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.–Л., 1950. – Ч.1. – С. 354–355.

² Супруненко Г.П. Некоторые сведения по древней истории кыргызов // История и культура Китая. – М., 1974. – С. 241.

³ Иманалиев М. Очерки о внешней политике Кыргызстана. – Бишкек: Сабыр, 2002. – С. 25.

⁴ Токтомушев К. Внешняя политика независимого Кыргызстана. – Бишкек: Сабыр, 2001. – С. 131.

⁵ Выступление Президента Кыргызской Республики А. Акаева "Кыргызстан в изменившемся мире" // Слово Кыргызстана. – 2002. – 9 мая.

та двусторонних отношений. В совместном кыргызско-китайском Коммюнике от 16 мая 1992 г. отмечено, что Кыргызстан и Китай рассматривают друг друга как дружественные государства и намерены развивать взаимоотношения на основе универсальных принципов межгосударственных отношений. Там же отмечено, что стороны будут решать все вопросы между двумя государствами в форме мирных переговоров, в духе добрососедства и дружбы, отказываясь от применения силы¹.

Сотрудничество в сфере безопасности между двумя государствами эффективно развивается на двустороннем и многостороннем уровнях – в рамках Организации Объединенных Наций, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Шанхайской Организации Сотрудничества.

Не менее важно и единство позиций Кыргызстана и КНР в отношении проблемы Тайваня. В Коммюнике 1992 г. Кыргызстан отмечает, что правительство КНР является единственным законным Правительством Китая и Тайвань – неотъемлемая часть территории Китая. Правительство Кыргызстана подтвердило, что не будет устанавливать с Тайванем официальных отношений.

Важнейшей составной частью политического сотрудничества между КНР и Кыргызстаном в 90-е годы явилось урегулирование вопросов прохождения линии государственной границы. Кыргызстану в наследство от царской России и Советского Союза досталось несколько участков совместной границы, где линия ее прохождения оставалась несогласованной. Успешное решение этого вопроса было направлено на улучшение межгосударственного сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем в военной и политической областях.

Правовой основой переговоров в этой сфере еще во времена СССР послужили договоры и протоколы о линиях разграничения пределов между Российской империей и Китаем от 1860, 1864, 1882 и 1884 годов².

¹ Токтомушев К. Указ. соч. – С. 133.

² Аламанов С. Граница: разрешение спорных проблем // Материалы и документы о кыргызско-китайской государственной границе / Под ред. Н. Керимбековой. – Бишкек, 2003. – С.142.

Плохое знание топографических особенностей и реального положения на местности, упрощенное описание границ привели к возникновению разночтений в определении отдельных участков. Сложилось два уровня границ: один – формальный, другой – реально охраняемый, но не совпадающий с первым. Переговоры между СССР и КНР по пограничному урегулированию проводились с 1964 по 1991 гг.

После распада СССР для решения этих вопросов в 1992 г. была образована специальная комиссия в формате "Совместная делегация – КНР", определившая на основе топографических карт линию государственной границы между двумя странами. После этого ею были проведены демаркационные работы и установлены пограничные знаки в согласованных участках. Спорными между Кыргызстаном и КНР были пять пограничных участков площадью более 34 тыс. кв. км. Большая часть из них находилась в труднодоступных районах, имевших стратегическое значение.

В ходе переговоров с 1992 по 1996 гг. между делегациями Кыргызстана и КНР была достигнута договоренность по прохождению линии границы на четырех участках из пяти. Оставшийся спорным участок Узенги-Кууш вошел в соглашение по границам между КНР и Кыргызстаном от 4 июля 1996 г. как сохраняющий особый статус, по которому необходимо было продолжить переговоры³.

По результатам переговоров, состоявшихся 26 августа 1999 г. в Бишкеке, лидерами двух государств было подписано соглашение в отношении территории Узенги-Кууш, по которому стороны согласились, что 70% территории отходит Кыргызстану, а 30% – Китаю⁴. Весной 2002 г. этот договор был использован политической оппозицией как повод для сме-

³ Аламанов С. Указ. соч. – С. 144.

⁴ Дополнительное Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе (г. Бишкек от 26 августа 1999 г.) – Информационно-правовая система Кыргызской Республики "Токтом"; Керимбекова Н., Галицкий В. К вопросу о кыргызско-китайской государственной границе // Центральная Азия и Кавказ. – № 5 (23). – 2002. – С. 131.

ны руководства Кыргызстана. Позиция части кыргызских парламентариев сводилась к тому, что согласно Конституции Кыргызской Республики территория государства неделима и принадлежит народу. Ссылаясь на факт признания Китаем независимости Кыргызстана, они утверждали, что Китай одновременно признал и существующие территориальные границы. Однако, поскольку сам факт признания еще не означает урегулирования имеющихся вопросов по спорным территориям, то представляется целесообразным их обоюдное разрешение через переговоры и согласование мнений и интересов сторон, основываясь на имеющихся документах. В результате, 16 мая 2002 г. в атмосфере острых разногласий в парламенте Кыргызской Республики договор по оставшемуся спорному участку Узенги-Кууш был ратифицирован. Таким образом, пограничные вопросы между двумя государствами к настоящему времени разрешены. Глубокий позитивный смысл этого события для обеих сторон не вызывает сомнений, поскольку он позволил перейти к новому формату более тесных и конструктивных контактов.

Важным элементом двусторонних отношений Кыргызстана и КНР на современном этапе стали визиты глав государств и правительственных делегаций. В мае 1992 г. состоялся первый официальный визит главы Кыргызской Республики А. Акаева в Китайскую Народную Республику. В ходе визита были подписаны совместное кыргызско-китайское коммюнике, в котором нашли отражение принципы взаимоотношений между двумя государствами, а также соглашения, заложившие договорно-правовую основу двустороннего сотрудничества с КНР. Именно поэтому данный визит был справедливо оценен как важное политическое событие для обоих государств.

Существенный вклад в развитие двусторонних отношений между Кыргызстаном и КНР внесли взаимные визиты глав правительств. 24–26 августа 1999 г. для участия в саммите "Шанхайской пятёрки" Кыргызстан с рабочим визитом посетил Председатель КНР Цзян Цзэминь. В его рамках между Кыргызстаном и КНР было подписано "Дополнительное Соглашение о государственной границе", а также трехстороннее кыргызско-казахско-

китайское "Соглашение о точке стыка государственных границ". Сходное соглашение между Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем было подписано во время саммита "Шанхайской пятёрки" в июле 2000 г. в Душанбе.

С урегулированием пограничных вопросов акцент кыргызско-китайских отношений был перенесен из военно-политической в торгово-экономическую область. Торгово-экономические отношения до сих пор не получили должного развития и остаются одной из проблемных зон.

Их правовую основу составляют соглашения между правительствами Кыргызской Республики и КНР от 6 января 1992 г. и 27 апреля 1998 г. Несмотря на то, что к настоящему времени сложились все предпосылки для успешного сотрудничества, взаимодействие сторон в этой сфере еще не соответствует возможному уровню и характеру. На протяжении длительного времени положительное торговое сальдо складывалось в пользу КНР. Экспорт из Кыргызстана до сих пор имеет сильную сырьевую направленность. Из Кыргызстана в Китай поставляются хлопок, черные и цветные металлы, кожевенное сырье, шерсть. В свою очередь, из Китая в Кыргызстан поставляются продовольственные продукты, товары легкой и текстильной промышленности, а также сельскохозяйственная техника и товары широкого потребления. Торговый ассортимент остается очень узким. Зачастую в Кыргызстан поставляются товары "кустарного Китая", на которые из-за бедности населения находится широкий спрос. Вместе с тем, КНР занимает второе место после Германии во внешнеторговом обороте Кыргызстана со странами дальнего зарубежья.

После заключения соглашения 1998 г. товарооборот Кыргызстана с КНР увеличился в 2000 г. по сравнению с 1999 г. на 18,8% и составил 81 млн. долларов, причем впервые с положительным сальдо. Однако эти показатели не отражают реального потенциала торгово-экономического сотрудничества двух стран¹.

Для его усиления активизировала деятельность Межправительственная кыргызско-китайская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, образованная в 1994 г.

¹ Токтомушев К. Указ. соч. – С. 135.

16–21 декабря 1999 г. в Пекине состоялось очередное, 4-е заседание комиссии, на котором были обсуждены и проанализированы вопросы состояния двусторонних торгово-экономических отношений, строительства картонно-бумажной фабрики, сотрудничества в области транспортной, банковской и другой инфраструктуры, электроэнергетики.

В ходе 5-го заседания Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству в апреле 2001 г. в Бишкеке стороны подписали кредитное соглашение на 100 млн. юаней, отсутствие которого на протяжении трех лет препятствовало реализации проекта по строительству картонно-бумажной фабрики. Одновременно, в ходе этого заседания комиссия обсудила ряд важных вопросов, в число которых вошли оценка перспектив дальнейшего углубления торгово-экономического сотрудничества, сотрудничество в области сельского хозяйства, взаимодействие между таможенными службами.

Китайская сторона также выразила заинтересованность в разработке золоторудного месторождения в Талды-Булаке и предложила сотрудничество в телекоммуникационной области.

С целью укрепления двусторонних отношений правительством Кыргызской Республики в августе 2000 г. принят Комплексный план мероприятий по сотрудничеству на 2001–2003 гг., охватывающий большинство направлений кыргызско-китайских взаимоотношений¹.

По итогам 11 месяцев 2003 г. суммарный товарооборот Кыргызской Республики с Китайской Народной Республикой составил 92,2 млн. долларов. При этом экспорт в Китай составил 21,7 млн. долл., что меньше в сравнении с соответствующим периодом 2002 г. на 16,8 млн. долларов. В свою очередь, импорт из КНР по отношению к аналогичному периоду 2002 г. вырос на 17,2 млн. долларов, достигнув 70,5 млн. долларов. Как и ранее, в импорте из КНР значительный удельный вес (около 50%) составляют потребительские товары.

К этому следует добавить, что в период 2001–2003 гг. КНР оказало значительную помощь силовым министерствам и ведомствам

Кыргызстана в их оснащении современными техническими средствами на грантовой основе.

По мнению кыргызстанских экспертов, причинами низкого уровня торгово-экономических отношений между Кыргызстаном и Китаем являются инертность, отсутствие заинтересованности министерств, ведомств, отдельных предприятий и предпринимателей в развитии сотрудничества, несовершенство законодательной базы двух стран в области иностранных инвестиций физических и юридических лиц, недостаточная эффективность коммуникаций.

Более значимых результатов Китай и Кыргызстан достигли в развитии совместной транспортной инфраструктуры. В 1995 г. было завершено строительство дороги Иркештам–Конао–Улугчат. Особую значимость приобретает проект создания коммуникационного коридора Андижан–Ош–Иркештам, работа над которым была начата в 1999 г. Предполагается, что его успешная реализация принесет выгоды всем его участникам: Китаю, Кыргызстану и Узбекистану, способствуя созданию транспортного коридора с Востока на Запад с существенным сокращением нахождения груза в пути. Своеобразная "реанимация" данного проекта произошла в ходе встречи глав правительств ШОС в сентябре 2004 г., когда было заявлено о возобновлении работ после имевшего места двухлетнего перерыва.

Особое значение в развитии межгосударственных отношений между Кыргызстаном и Китаем представляет сотрудничество в области региональной безопасности. Его основу составляет взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества, начатые в 1996 г. с создания "шанхайской пятерки"².

Сотрудничество Кыргызстана с КНР в рамках ШОС прошло значительную эволюцию. Начинаясь с урегулирования пограничных вопросов, оно охватило широкий ком-

¹ Токтомушев К. Указ. соч. – С. 136.

² Лузянин С.Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение интересов // Китай в мировой политике. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 323; Усубалиев Э. Место и роль ШОС в международной системе безопасности на современном этапе // Материалы и документы о кыргызско-китайской государственной границе / Под ред. Н. Керимбековой. – Бишкек, 2003. – С. 120.

плекс проблем в сфере экономики, совместного противостояния угрозам международного терроризма, организованной преступности, радикальному экстремизму и этническому сепаратизму. Соответствующие решения были зафиксированы первоначально в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом от 15 июня 2001 г., а позднее в Хартии ШОС, ставшей правовым фундаментом этой организации. Шанхайская организация сотрудничества на современном этапе все более очевидно превращается в значимый фактор по поддержанию стабильности в Центральной Азии и мире, символизируя собой новую концепцию безопасности, основанную на принципах многостороннего участия, взаимного уважения, мирного решения проблем.

Существенным элементом обеспечения региональной безопасности выступает скоординированная позиция Кыргызстана и КНР в отношении проблемы уйгурского сепаратизма в СУАР КНР. В декабре 2002 г. президентом КР А. Акаевым было отмечено, что Кыргызстаном, как и ранее, будут полностью поддержаны действия китайских властей в отношении уйгурских сепаратистов. Позднее, в ноябре 2003 г., Генеральной прокуратурой Кыргызской Республики, Исламская Партия Восточного Туркестана (ИПВТ), костяк которого составляют выходцы из СУАР КНР, была объявлена международной террористической организацией, деятельность которой запрещена на территории Кыргызстана и будет преследоваться в уголовном порядке.

Такое решение носит вполне обоснованный и объективный характер. Активисты ИПВТ в 1998–2003 гг. совершили в Кыргызстане ряд террористических актов, включая организацию взрывов и поджогов в общественных местах, серию убийств должностных лиц и представителей местной уйгурской общины, отказавшим им в финансовой и иной поддержке¹. В последние годы становится все

более очевидным, что в деятельности активистов ИПВТ лозунги за самоопределение Уйгуристана отступают на задний план, уступая место идеям радикальных исламских группировок, направленным на свержение светских режимов Центральной Азии и создание здесь исламского государства. Национально-освободительная риторика призвана сыграть роль катализатора в распространении очагов нестабильности на территории СУАР КНР и центральноазиатских государств, где проживает значительная уйгурская диаспора. Обеспокоенность руководства Кыргызстана и КНР возможным негативным развитием событий способствует дальнейшему сближению и выработке согласованной политики по отношению к национальному и религиозному экстремизму в регионе. В то же время, можно согласиться с тем, что проведение Пекином скорректированной политики по предупреждению террористических проявлений в СУАР, включающей в себя пересмотренное отношение к "национальному вопросу", в значительной мере способствовало бы уменьшению социальной базы этого экстремистского движения среди коренного населения².

Определенную неясность в отношении Китая с Кыргызстаном, как и с другими государствами Центральной Азии, вносит размещение сил международной антитеррористической коалиции, возглавляемой США на территории Кыргызстана и Узбекистана. Данный факт, в свете усиливающихся глобальных амбиций США и КНР³, не может не вызывать обеспокоенности руководства последнего. При этом особое значение для понимания этого сохраняет издавна существующая в Китае кон-

противодействия / Под ред. К.М. Осмоналиева. – Бишкек, 2004. – С. 192–194.

² Chien-pen Chung. China's "War on Terror" // Foreign Affairs, Jul/Aug 2002, Vol.81. – Issue 4. – P. 7–8; Сыроежкин К.А. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – С. 491–539.

³ Satu P. Limaye. Weighting for China, Counting on the United States: Asia's China Debate and U.S. Interests // Special Assessment: Asia's China Debate / Asia-Pacific Center for Security Studies, December, 2003. – P. 16–7.

¹ Какеев Б. Атакует "черный интернационал". Как и кого вербуют в бандиты в Киргизии. Транскаспийский проект. 2000. 19 июля; Сведения о террористических и экстремистских организациях, действующих в Центральной Азии // Терроризм: историко-политологические и правовые аспекты

цепция, согласно которой земли, некогда входившие в состав китайского государства или же находившиеся в любой степени зависимости от него, считались частью его территории. После обретения ими самостоятельности, как в случае с государствами Центральной Азии, они рассматривались как "утраченные территории"¹. Хотя этот тезис не находит прямого отражения в выступлениях официальных лиц КНР, об этом все же не стоит забывать в контексте их геополитических притязаний.

После размещения в регионе сил западной антитеррористической коалиции со стороны КНР по отношению к центральноазиатским государствам не предпринимались меры, которые можно было бы однозначно трактовать как методы дискриминации и давления. Это дает основание предположить, что руководство Китая, не разделяя позиции лидеров центральноазиатских государств, вынуждено принимать ее из-за сохраняющегося доминирования США на мировой арене.

Анализ приведенных выше данных показывает значимые перспективы сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой. Наиболее актуальными представляются задачи развития и укрепления сотрудничества в области региональной безопасности и экономического сотрудничества. При этом торгово-экономическое сотрудничество, имея огромный неиспользованный потенциал, выступает в качестве фундамента для дальнейшего укрепления взаимовыгодных

¹ Степанов Е.Д. Пограничная политика Китая // Китай в мировой политике. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.150.

отношений между Кыргызской Республикой и КНР.

Обоснованным представляется мнение М. Иманалиева о том, что наша республика в межгосударственных отношениях с КНР должна преследовать следующие цели:

1. Китай может и должен стать одним из крупнейших партнеров Кыргызстана в торгово-экономическом отношении. Умелое использование экономического потенциала КНР позволит Кыргызстану "прицепиться" к "локомотиву" мировой экономики в лице одной из наиболее динамично развивающихся стран.
2. Китай и Кыргызстан должны выступить в качестве гарантов региональной безопасности, не позволяя разнонаправленным силам стать источником угрозы Центральной Азии.
3. Китай должен быть равноправным политическим партнером Кыргызстана, способным в силу своих преимуществ выступить гарантом стабильности и развития в центральноазиатском регионе².

Несмотря на то, что последний пункт не разделяется мною безоговорочно, все же не вызывает сомнений значимая стабилизирующая (или дестабилизирующая – в случае негативного сценария) роль КНР в регионе.

Итогом всему отмеченному является необходимость дальнейшего последовательного укрепления взаимовыгодных отношений с Китайской Народной Республикой на долгосрочную перспективу.

² Иманалиев М. Указ. соч. – С. 34–35.